
ГІСТОРЫЯ

УДК 94(470.344)

Г.И. Тафаев, И.И. Юдина

ОРДЫНСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРЕВНЕЧУВАШСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (1243–1552 гг.)

В статье исследуется процесс радикальной смены древнечуваашской цивилизации в условиях Ордынской трансформационной эпохи (1243–1552 гг.). Опираясь на монографические исследования, исторический эпос об Ульпе и другие источники, авторы пришли к выводу о том, что на обломках Волжско-Камской Болгарии образовалась языческая чувашская (локальная) цивилизация рядом с мусульманской татаро-кыпчакской цивилизацией. Также сделан вывод о том, что ордынская трансформация вызвала целый ряд военно-политических, социально-экономических, этнокультурных, этноязыковых, этноконфессиональных и других изменений в жизни народов Среднего Поволжья.

Введение

В конце XX – начале XXI вв. возрос интерес всех народов мира к своим этнокультурным и этноконфессиональным истокам. Укрепились понятия религиозной и культурной самоидентификации. На постсоветском пространстве появились новые государства и, исследователи занимаются поисками своих национальных корней. Процессы национально-культурного возрождения затронули и один из народов Среднего Поволжья – чувашей. Одним из драматических периодов в их истории было монголо-татарское владычество, в ходе которого было уничтожено 30% населения Волжской Болгарии. Шестидесятилетняя война конца XIV – начала XV вв. истребила до 80% населения Болгарского улуса Золотой Орды. Процессы выживания и вытеснения «худых болгар» продолжались и в последующие годы.

Золотая (т.е. богатая) Орда звучит красиво и заманчиво, но Орда – звучит очень страшно. Орда для чувашей («худых болгар») – олицетворение насилия и бесправия. Это отражено в эпосе об Ульпе о монголо-татарских погромах и геноциде [1, с. 43–46]. В другой легенде о разгроме г. Пюлер (вариант г. Болгар) говорится о Болгарском холокосте. Однако болгаро-чувашская легенда возрождает веру в светлое будущее, завершается на оптимистической ноте – верой в «золотой век». Болгаро-чувашский эпос об Ульпе и легенда о разгроме г. Пюлер указывают на кровь и слезы, которые лились рекой после разгрома Волжско-Камской Болгарии монголо-татарами-кыпчаками.

Ордынская эпоха древнеболгарской цивилизации для чувашей начинается с осени 1236 г., когда татары вторглись на территорию Волжско-Камской Болгарии (Булгрии). Татарский исследователь А.Х. Халиков отмечает, что укреплялись крупные города, расположенные в Закамье, особенно столица страны – Великий город, или Булгар на Черемшане [2]. Видимо, в это время на восточных и юго-восточных рубежах страны возводились засечные линии и огромные земляные валы, остатки которых сохранились ныне в районе рек Яика (Урала), Белой, Кондурчи, Большого Черемшана, Ика и других местах.

Продолжались усилия и по сохранению русско-булгарского мира. В 1229 г. был продлен еще на 6 лет мирный договор между Булгарией и Владимиро-Суздальской Русью. Подписание этого договора происходило на нейтральном Кореневом острове, расположенном на Волге недалеко от устья Суры. По условиям мира было разрешено «купцам ездить по обе стороны с товаром невозбранно и пошлину платить по уставу каждого города безобидно, рыболовам ездить по обе стороны межи и иметь любовь и мир».

Весной 1229 г. монгольское войско численностью 30 тысяч воинов в сопровождении большого числа вспомогательных отрядов двинулось на запад и к осени уже было в степях Яика и Итиля. Однако опять на пути монгольских войск встали болгары. Хотя монголам и удалось разгромить половцев и саксинов в Приуральско-Прикаспийских степях, нанести поражение болгарским форпостам на Яике и Урале, но продвинуться на север они не смогли.

В это время в тылу монгольских завоеваний – в Средней Азии и Афганистане – еще находился очаг сопротивления, возглавляемый последним из хорезмшахов Джалал ад-Дином. Ведь именно тогда, в 1228–1229 гг., против него была отправлена кааном Угедеем вторая монгольская 30-тысячная армия, возглавляемая нойоном Джурмагун. В начале 30-х годов XIII века монголы уже прибрали к своим рукам не только все азиатские степи, но и прилегающие к ним государства: в 1227 г. было ликвидировано Тангутское государство к северу от Китая [2, с. 27–28].

Учитывая необходимость объективного изложения одной из трагических страниц истории чувашей, целью данного исследования является осмысление процесса смены древнеболгарской (древнечувашской) цивилизации в условиях Ордынской эпохи (1243–1552 гг.).

Историография истории Золотой Орды

Исследователи достаточно подробно изучали генезис, расцвет и распад Золотой Орды. Мы предлагаем обратить внимание на историографию проблемы, изложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым, который отмечает, что в первой большой работе по истории Золотой орды, принадлежащей перу И. Хаммера-Пургшталля, почти совсем не была затронута тема общественного устройства в Улусе Джучи [3].

Попытку конкретного анализа общественного строя собственно Золотой Орды предпринял И.Н. Березин. Его переводы и комментарии ярлыков, увенчавшиеся большим исследованием внутреннего строя Золотой Орды, были для своего времени прогрессом. Но И.Н. Березин дал анализ не социального строя, а государственного аппарата Золотой Орды, который он рассматривал исходя из понятий и представлений сословно-чиновничьего строя России середины XIX в. И.Н. Березин попытался дать своеобразную золотоордынскую «табель о рангах».

В соответствии с распространенными тогда взглядами И.Н. Березин видел в Золотой Орде сосуществование, своеобразный симбиоз двух стихий: оседлой, культурной, цивилизованной и дикой, кочевой, неорганизованной, разрушительной. В свойственных для его научной среды идеалистических тонах ученый поставил вопрос об изучении этого сосуществования кочевой стихии Золотой Орды и оседлого городского населения – главного носителя централизаторских тенденций.

Исследования И.Н. Березиным внутреннего строя Золотой Орды свелись главным образом к выяснению по ярлыкам роли и функции различных чиновнических должностей, изучению государственного аппарата. Кочевая стихия представлялась И.Н. Березину неорганизованной, аморфной. В его работах господствовала мысль о том, что государственный централизм и его аппарат был для кочевого населения и степи чем-то чуждым, поверхностным. Исследователь считал, что государственная организация была привнесена в аморфную кочевую стихию Чингисханом.

Работы И.Н. Березина были с интересом встречены русской общественностью и интеллигенцией тюркских народов России. На них откликнулся Ч.Ч. Валиханов, писавший о том, что Джучидский улус не имел другого государственного аппарата, кроме свиты хана, был лишен правильного административного устройства.

Как своеобразную проекцию родоплеменной, патриархальной власти, имевшей место внутри кочевых групп, на всю империю, где она становится ханской властью,

рассматривал монгольское государство Ф.Ф. Лашков – исследователь аграрных отношений в Крыму после монгольского завоевания. По его мнению, образование империи не нарушило патриархально-родового быта, который проявился в общности скота. Но при этом он отмечал наличие при ханах постоянных дружин со строгой дисциплиной, утверждал, что в этом обществе было рабство, деньги, служилое сословие. Во взглядах Ф.Ф. Лашкова чувствуется сильное влияние концепции И.Н. Березина, доведенной до признания противоречивости кочевого быта государственному строю.

Продолжатель работ Ф.Ф. Лашкова Г.Ф. Блюменфельд ищет в золотоордынской кочевой эпохе зародыши поземельных отношений в Крыму. Согласно его утверждениям, само распределение пастбищ между кочующими родами и семьями было не проявлением и реализацией монопольной собственности хана и кочевых феодалов, а средством регулирования ханами общинного, племенного, родового землепользования.

Дореволюционная татарская историческая наука очень мало внимания уделяла анализу социального строя кочевого общества, его структуры в Золотой Орде. Это в первую очередь касается Марджани, который изучал главным образом политическую историю Золотой Орды, генеалогию ханов и их борьбу.

В советское время резко повысился интерес историков к общественному строю и экономике Золотой Орды. Первые попытки исследования в этом направлении отличались необоснованным социологизмом. В работах А.Ю. Якубовского намечился марксистский подход к теме. Он дал представление о кочевом обществе в Золотой Орде как феодальном, использовал для его характеристики ярлыки золотоордынских ханов. Существенное значение имеет книга А.Н. Насонова «Монголы и Русь», в которой проведено описание двух военно-политических центров в степях Золотой Орды в конце XIII в., исследование соотношения власти Джучидов и каракорумской администрации в XIII в., множество отдельных верных наблюдений над внутренним строем Золотой Орды.

Советские историки разработали тезис о противоборстве двух тенденций среди монгольской аристократии в XIII в., выразившемся в борьбе, с одной стороны, кочевой знати, а с другой – знати, стремившейся к связям с оседлыми областями. В 1947 г. Г.М. Валиахметовым была защищена диссертация по теме «Общественно-политический строй Золотой Орды». Ряд важных мыслей о социальном строе был изложен в работе М.Г. Сафаргалиева о распаде Золотой Орды. Кочевой феодализм в Золотой Орде привел к развалу единого государства, который ускорился в результате борьбы русского народа и походов Тимура в конце XIV в.

Иной подход демонстрирует современный немецкий историк Б. Шпулер, занимающийся изучением Золотой Орды, который исходит из отвлеченной схемы борьбы двух различных начал в Восточной Европе: «мусульманской культуры и духа» с «христианской русской культурой», в которой мусульманство одержало победу и не дало возможности сблизиться Руси и кочевникам. Ученый считает, что монгольское завоевание изменило русских людей, «модифицировало русскую натуру». Однако описанию общественных отношений Б. Шпулер уделил мало внимания. Такие социальные явления, как ленные владения (суюргал) и т.п., рассматриваются только формально, с правовой точки зрения и безотносительно к тому, в какой период они развились в истории Золотой Орды. Эти вопросы затронуты в статье израильского востоковеда А.И. Поляка о золотоордынском феодализме. В работе «Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе» он посвящает этой проблеме целый раздел. Рассматривая параллельно феодальную систему мамлюкского Египта и Золотой Орды, исследователь видит в них много общего: военно-феодальный класс концентрируется в городах-лагерях, где обслуживается рядовым населением, сведенным на положение рабов или полурабов; представители военно-феодального класса сами участвуют в организации ремесла и торговли в городах, а аграрное население, прикреплен-

ное к земле, эксплуатируют. Оценивая работы А.Н. Поляка, мы должны отметить их как пример возросшего в последнее время интереса к социальной истории Золотой Орды в буржуазной, немарксистской историографии, а также указать на скудость фактической базы в исследованиях этого автора, приводящую к тому, что его построения в значительной степени остаются умозрительными схемами. А.И. Поляк во многом исходит из гипотезы об однотипности развития Золотой Орды и мамлюкского Египта, что неправильно и методологически, и фактически.

Определенный интерес к социальному строю Золотой Орды мы находим и в работах турецких историков, посвященных главным образом ярлыкам золотоордынских ханов. Однако это в большей степени публикации и терминологические комментарии, а не исследования общественного строя Золотой Орды [3, с. 18–23].

Из региональных исследователей России проблемами Золотой Орды активно занимались Г.А. Федоров-Давыдов, М.Г. Сафаргалиев, Р.Г. Фахрутдинов, С.Х. Алишев, Р.Х. Бариев, Г.М. Давлетшин, В.Д. Димитриев, М.З. Закиев, И.Л. Измайлов, Д.М. Исхаков, Э.С. Кульпин, А.Г. Мухамадиев, И.Н. Смирнов, А.П. Смирнов, И.Г. Тагиров, А.А. Хабибуллин, А.Х. Халиков, В.Ф. Каховский и др.

Затрагивая процесс завоевания, Г.А. Федоров-Давыдов писал о том, что иначе обстояло дело в основных, степных, кочевнических районах, заселенных по преимуществу половцами. Здесь местная аристократия была уничтожена, продана в рабство или уведена в Центральную Азию. Однако оседлые земли не меньше пострадали от монгольского завоевания. Именно они были разграблены монголами, стремившимися превратить все завоеванные земли в большие «необитаемые пространства» – территорию для своих кочевий. Монголы-кочевники были далеки от оседлого феодального земледельческого и городского укладов и видели в населении деревень и городов лишь объект грабежа и плательщиков дани. В Восточной Европе монголы нашли бескрайние степи и кочевое население. К ним они могли применять те социальные формы феодальной эксплуатации, которые принесли с собой и которые созрели в монгольском кочевом обществе к концу XII в. [3, с. 27–28].

Трансформация Золотой Орды и становление чувашской (локальной) цивилизации

Управление оседлыми оазисами общеимперской администрацией в бушующей кочевой степи при всех злоупотреблениях, насилиях и беззакониях ее многочисленных представителей все же позволило в середине XIII в. провести ряд общих мероприятий по переписи населения, организации связи, некоторые меры по упорядочению денежного обращения. Проводниками всех этих общегосударственных мероприятий были даруги и баскаки. Вначале оседлые земли Средней Азии и Ирана (до Хулагу) находились в ведении правителей, подчиненных «непосредственно великому каану Каракоруму [3, с. 28–29]. Для управления покоренными народами была создана система «баскачества».

Города и земледельческие районы получили некоторую обособленность в море кочевой стихии, где распоряжались монгольские нойоны и ханы. В Чувашии (Горной Болгарии) в городище Большая Таяба был создан «центр баскака». Основными задачами таябинского баскака были следующие: сбор налогов с чувашей («худых болгар»); перепись населения Чувашского края; набор войск из чувашской знати (аристократии), населения; устройство почтовых сообщений; ремонт городища и дорог; защита Таябинского городища от вторжения и восстаний; сбор и поставка рабынь (девушек) для воинов и баскака, «сидевших» в Таябинском городище; контроль за похоронно-религиозной службой; миссионерская деятельность среди чувашского населения.

Оседлые земли исключались из ведения и власти удельного кочевого феодала, и доходы с них рассматривались как доходы всего рода Чингисхана, как родовое имуще-

ство, которое следует поделить в соответствии с теми или иными правами членов рода. В целом в первый период истории Золотой Орды в XIII в. эксплуатация оседлых земель, включая прямые грабительские экспедиции монголов, проводилась западной кочевой аристократией не непосредственно, а через имперских откупщиков и чиновников. Такое положение было в Золотой Орде примерно до конца 1260-х годов, когда при Менгу-Тимуре наметился рост политической самостоятельности Джучидов. В этом отношении показателен единственный актовый источник XIII в., дошедший до нас от Золотой Орды: ярлык Менгу-Тимура 1267 г., выданный русскому духовенству [3, с. 31–34].

Ярлык определял повинности покоренного земледельческого населения, от которых освобождались представители православного духовенства. С оседлого населения взималась «дань». Характер переписи для обложения данью был подомный, посемейный. Был также установлен сбор в пользу монголов, именовавшийся «тамга» и «десятина». «Десятина», возможно, и была «данью», упоминавшейся в ярлыке 1267 г. и летописях. Взыскивалось «ордынское серебро», упоминавшееся в летописях. Кроме того, население было обложено различными повинностями по обеспечению монгольских властей подводами, кормом, лошадьми. К этому роду повинностей относился «ям». Население было обложено также «поплужной» податью, т.е. поземельным налогом, взимавшимся с плуга, рала. В ярлыке 1267 г. упоминается повинность выставлять воинов.

Ярлык дает перечисление фискальной монгольской администрации XIII в.: это прежде всего людской (наверное, улусный) баскак и «данщики», «писцы», «послы», «поплужники», «таможники». Остается неясным, были они в общеимперском подчинении или под властью джучидского хана. Ярлык выдан от имени джучидского хана и потому предполагал, что баскаки и «поплужники», «данщики» и «таможники» будут слушать указы Джучидов. Но в начале ярлыка есть ссылка на постановление Чингисхана, а также указание: «Тако молвя и последний цари по тому же пути пожаловали попов и черньцов». Впоследствии, в XIV в., ссылка на Чингисхана станет простой формальностью, но в 1260-х годах она, вероятно, была полна смысла и без нее постановление Менгу-Тимура было бы для баскаков и другого чиновничества недействительным.

Какие отношения сложились между монголами и покоренными ими кочевыми народами? Археологические материалы погребений кочевников XIII–XIV вв. позволяют проследить ряд значительных перемещений половецких и других кочевых племен, населявших южнорусские степи. Увеличение численности кочевого населения Поволжья и Молдавии, переселение черных клобуков, исчезновение кочевого населения в низовьях Дона и т.п. хронологически относятся к монгольскому завоеванию. Для объяснения этих перемещений необходимо обратиться к социальной истории кочевой степи XIII в. и общественной организации самих монголов накануне походов. Специфика социальных отношений у древних монголов и у ряда других кочевых племен заключалась в родоплеменном характере вассалитета, при котором вассалом выступала община кочевников целиком, но отношения ее к роду-покорителю не традиционно патриархальные, основанные на отношениях первобытнообщинного понимания старшинства и старейшинства, а новые, сложившиеся на отношениях, бывших результатом их покорения. Эта особенность кочевнического вассалитета в некоторых степных районах сохранилась до XIX в. [3, с. 35–36].

Для обозначения различных слоев и групп монгольской кочевой аристократии существовали следующие термины, использованные в данной статье.

Каан. Глава Чингизидов. Первым этот титул принял Угедей, правивший в Каракоруме. При Кубилае резиденция каана была перенесена в Пекин. Избирался на курултае – совете чингизидских царевичей и всех членов Чингизидов, а также важнейших представителей кочевой аристократии и чиновников.

Хан. Глава какой-либо основной чингизидской ветви, потомков Угедея, Хулагу, Джучи, Джагатая. В восточных (персидских) источниках в XIII – начале XIV в. часто заменялся термином падишах и султан. В русских источниках, начиная с Менгу-Тимура, – «царь», «цесарь».

Нойон, инак, бахадур, бек, эмир. В XIII – начале XIV в. представители аристократии, обычно не связанные кровным родством с Чингизидами. Это были либо главы родов, находившиеся в вассальной зависимости вместе со своим родом, т.е. потомки старой дочингизовской аристократии, не порвавшей еще связей со своим родом или племенем (до Чингисхана нойоны – это почти исключительно наследственные вожди племен), либо назначенные ханом военачальники, получившие за военную службу удел – улус, в который часто входили разные и чуждые самому военачальнику племена, либо служилый слой аристократии при дворе хана или каана. Беки были и в золотоордынской Волжской Болгарии («бек», «инал», «ага», «ювари» – титулы болгаро-татарской знати, встречающиеся в текстах надгробий золотоордынского периода).

В монгольском государстве Чингисхана формы зависимости несли на себе отпечаток военных обстоятельств. Взаимоотношения кочевников, попавших в вассальную зависимость от рода-победителя, нашли свое выражение в создании системы улусов, которая противоречила сохранявшимся патриархальным и племенным делениям. Большой удар пережиткам родоплеменных отношений нанесло возникновение новых взаимоотношений кочевых феодалов-сеньоров и их вассалов, основанных на принципах военного подчинения попавших в зависимость родов и племен, разделенных на десятки, сотни, тысячи и тьмы. О том, что тысяча, или тумен, – это не просто количество воинов, а именно такое держание, которое может выставить тысячу или десять тысяч воинов, свидетельствует то что, несмотря на естественный прирост населения и поглощение какой-либо тысячей, или туменом, других групп, в течение долгого времени эти подразделения оставались все той же воинской единицей. В XII в. тысяча кибиток стала приравняться к куреню. «В ту эпоху тысячу кибиток, располагавшихся таким образом (куреном), считали за один курень» [3, с. 45–48].

Заключение

Анализ геноцида болгар и народов Среднего Поволжья в условиях Ордынской эпохи даёт основания разделить эти кровавые события на 3 хронологических периода: 1) с 1236 г. по 1361 г.; 2) с 70-х гг. XIV в. по 1419 г.; 3) с 20-х гг. XV в. по 1552 г. Говоря о степи XV в. и сравнивая ее с кочевым населением Дешт-и-Кыпчак XIV в., мы должны констатировать решительное возвращение к кочевому хозяйству и упадок тех элементов оседлости, комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, которые зарождались здесь еще в домонгольское время. Общественный строй Золотой Орды хотя и дал благоприятную «почву для городов в начале XIV в., в конце XIV в., особенно в XV в., оказался крайне неблагоприятной средой не только для торгово-ремесленных элементов, но и для земледельческого оседлого уклада. Феодалная борьба и внешние вторжения привели к упадку хозяйства в степи, отмеченному современниками» [3, с. 168–170].

Кроме того, изучение данной темы позволяет сделать следующие выводы:

1) начало процесса ордынской трансформации следует отнести к 1236 г. – к монголо-татарскому нашествию. С образованием в 1243 г. Золотой Орды процесс трансформации углубился;

2) для народов Среднего Поволжья данный процесс характеризовался военно-политическими, социально-экономическими, территориальными, антропологическими, этноязыковыми, этнокультурными, этнопсихологическими, этноконфессиональными трансформациями;

3) из недр Волжско-Камской Болгарии (цивилизации) возникла чувашская цивилизация;

4) в условиях Ордынской эпохи консолидировались чувашский («худоболгарский»), башкирский, мордовский, марийский, удмуртский, татарский народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сюин, Ф. Улып: чувашский народный эпос / сост. Ф. Сюин; пер. А. Дмитриев. – Чебоксары : Увашское книжки. изд-во, 2009. – 462 с.

2. Халиков, А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария / А.Х. Халиков. – Казань, 1994.

3. Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1973.

Tafaev G.I., Yudina I.I. Ordyn Transformation of Old Chuvash Civilization (1243-1552)

The process of radical change of Old Chuvash in the conditions of Ordyn transformation epoch (1243-1552) is considered in the article. On the basis of monographical research, historical epos of Ulpa and other resources the authors have come to the conclusion that on the ruins of Volga-Kamsk Bulgaria pagan Chuvash (local) civilization alongside with Muslim Tataro-Kupchaksko civilization was formed. The author comes to the conclusion that Ordyn transformation resulted in a series of military-political, social-economic, ethno-cultural, ethno-language, ethnoconfessional and other changes in the life of the peoples of Middle Volga region.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.03.2010